

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

В. Г. ФЕДОТОВА

Меняющийся мир и глобализация

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ —
ЭТО НАВСЕГДА?

Согласно классике в области теории модернизации Э. Гидденсу, мы живем в период высшей или поздней современности. Он, однако, полагает, что можно говорить и о постсовременности не только как о культуре, но как о новом институциональном порядке, который может быть реализован в будущем. Иными словами, речь идет о том, а что будет существовать после капитализма? Социализм не представляется альтернативой из-за его экономической неэффективности и авторитарного управления индустриализацией. Согласно Гидденсу, посткапиталистические (постсовременные) общества будут скоординированы на глобальном уровне. Постсовременное общество будет отличаться многоукладным демократическим участием, демилитаризацией, гуманизацией технологий и системой, преодолевающей нужду. Последняя может быть построена при координации глобального порядка, преодолении войны, системе планетарной защиты и социализированной экономической организации¹. Легко видеть, что постсовременность у Гидденса — это теоретический конструкт, сформированный в ответ на обнаруженные недостатки капитализма (современности), а также в ответ на неспособность большин-

ства незападных стран достичь современности, осуществить догоняющее развитие. Позже Гидденс

перейдет на позиции незавершенности проекта современности и даст характеристику новой современности для Запада.

Приходится сразу признать, что чрезвычайный отрыв постиндустриальных стран от остального мира, с одной стороны, характеризует их преимущества, но, с другой, не позволяет им быть спокойными в отношении терроризма и криминализации, наркотиков, ВИЧ-инфекции, экологических проблем в мире, люмпенизации части своего населения и растущего притока иммигрантов, выгнанных с привычных мест неразвитостью экономики, эпидемиями и войнами, социального неравенства в мире и в своих странах, коренной перестройки собственных обществ, исламского радикализма и неудач в реформировании посткоммунистических стран. Отрыв постиндустриальных стран от других и будущий раскол в их собственных обществах, где значимость высокоинтеллектуального труда выдающихся инноваторов и теоретиков сделает «избыточным» для производства (правда, не для потребления) остальное население, создает немалые опасности. Среди них — анархия и хаос. Кроме того, высокая развитость Запада не явилась

Продолжение. Начало в №1 за 2004 г.

¹Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

препятствием бомбардировке Косово, сегодня признанной на Западе ошибочной, специфической реакции на 11 сентября, прочих ошибок, связанных с «высокомерием силы» и попытками принуждения к счастью, цивилизованности, международному порядку или миру. Растет сопротивление глобализации со стороны тех, чей культурный код не позволяет принять индивидуализм и противопоставляет глобализации на удовлетворяющих Запад и, прежде всего, США условиях свои формы солидарности.

В сущности, появление неких универсальных исторических единиц имело место всегда, а не только в связи с процессами, которые сегодня стали называть глобализацией. И капитализм, и Вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и Филадельфийская система, которая сделала демократию мировым институтом, — это все шаги на пути глобализации, установления общности человечества. Но ключевые точки — свободная торговля, революции в технике, информатизация, чрезвычайное снижение таможенных барьеров, «интернационализация денег», победа капитала над национальными интересами. Сам процесс глобализации более стар, чем термин, которому 10–12 лет, и характеризуется усилением единства человечества. И в первом (как единство человечества, всемирность истории), и во втором смысле (как информационно-экономическое единство) глобализация — это некий реально существующий процесс, причем ее новейшие тенденции являются продолжением более старых — прогресса, модернизации, становления всемирной цивилизации и пр. В «Манифесте Коммунистической партии» и в «Немецкой идеологии» имеются слова, характеризующие глобализацию XIX века. Она вызвала системное сопротивление со стороны национализма, коммунизма, фашизма. Сегодня силы сопротивления завершающему витку глобализации более пестры и менее системны. Только ислам представляет собой системное сопротивление, альтернативный вариант глобализации. Ислам

не признает национальных границ. Его объединяет деревенская культура, концепция мировой деревни. Он вполне имеет шанс, по крайней мере, шанс сломать проект западной глобализации.

Современный мир находится в ситуации, которую можно уподобить состоянию средневековой Европы при ее переходе в современность. Сходство состоит в том, что люди и там, и здесь оказались в радикально меняющемся мире. С позиций сегодняшнего дня можно указать определенную направленность изменений Европы позднего средневековья и признать их неизбежными. Но средневековый человек был растерян перед безвозвратно уходящим прошлым, разрушаемым настоящим и неясным будущим. Люди, действительно, похожи сейчас — и не только в нашей стране, как поначалу казалось, но и в мире — на человека Средневековья, который попал в обстоятельства коренной социальной трансформации. Он еще не знал ее направленности, ибо переход чему-то определенному мог не произойти. Он оказался в разрушенном обществе и мог думать, что ему так всегда придется жить. Он мог мечтать о том, чтобы вернуться назад, и он мог предполагать, что «так жить нельзя» и что общество придет в новое приемлемое или даже лучшее состояние. Попытка вжиться в мир средневекового человека в период перехода к Новому времени, произведенная многими исследователями, приводила их к трагическому сопереживанию разрушений, которые, прежде всего, видел этот человек. При ретроспективном анализе выясняется также, что судьба современного Запада вовсе не была гарантирована Европе. Источники того времени показывают, что хотя переход из одного состояния в другое не был мгновенным, он был слишком радикальным, переворачивал мышление, ценности, убеждения, менял картину мира — девитализировал ее, делал ее механической, а людей атомарными. Это был великий переход, он сформировал Запад в его современном виде и открыл новый путь для человечества. Но повсюду этот путь сопровождался

жертвами. На дороге к этой судьбе средневековых людей подстерегало множество опасностей и соблазнов. В блестящем исследовании начал западной модернизации Л. М. Косарева писала: «Известно, что в любую переходную эпоху рядом с конструктивным началом всегда существует разрушительное нигилистическое. Таковыми мировоззрениями в XVI–XVII вв. (даже на столь позднем этапе) являлись, например, скептицизм и аристипповский гедонизм (с его «все дозволено», «лови миг наслаждения»). Последний был помехой на пути конструирования нового типа субъективности, ибо формировал «плывущее» фрагментарное сознание, безответственность, был принципиально чужд идеалу последовательности и твердости, выдвигавшемуся реформационными учениями. Аристипповский гедонизм XVI–XVII вв. дал мало конструктивного, отвергая «старую» (средневековую) деятельность «по привычке», жизнь в привычном русле, он так же санкционировал жизнь «по течению», — но уже подчиненную не диктату внешних социальных требований и «приличий», а прихотям собственных эгоистических желаний человека»¹. Таким образом, эволюция Запада в направлении к современности была результатом стечения обстоятельств, последовательного воздействия Ренессанса, Реформации и Просвещения, победы их принципов, которая могла и не состояться. Этот опыт учит нас ни о чем не говорить как о неизбежном и относиться к будущему как содержащему множество вариантов развития.

В плане будущего предпочтительнее быть не гиперглобалистами или скептиками, а трансформационалистами, если следовать типологии Д. Хелда и его соавторов², т. е. признать переходный характер эпохи. Желательно заранее признать возможную не-

линейность социальных процессов, не исключаящую внезапный слом тенденций в точках бифуркации, настроиться на сценарный лад. Сошлемся на позднего И. Валлерстайна, выражающего опасение относительно устойчивости любого тренда в переходную эпоху³. Переходность не означает того, что люди просто пока не понимают ситуацию, а характеризует прежде всего то, что ситуация может измениться, что она нелинейная, всегда чревата какими-то новыми возможностями. И это надо иметь в виду в дискуссиях о глобализации и о перспективах следующей из нее универсализации социологии.

II. НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глобализация сильно изменила статус и место модернизационных процессов, а также показала, что время классической модернизационной теории ушло. Она разрушила представления о единственности модернизационной теории, вывела на обочину дискуссии о постмодернизме, оставив в качестве коренного вопрос о том, является ли современность завершенным или незавершенным проектом. Эмблемой этого спора стала работа Ю. Хабермаса «Модерн — незавершенный проект», к чему (по другим основаниям) присоединяются Э. Гидденс, С. Лэш, У. Бек и другие, хотя, по мнению этих авторов, западный мир вступает в новую современность. Другие авторы, драматизируя завершение поздней современности, считают ее завершившейся в целом. З. Бауман, представляя свою книгу «Индивидуализированное общество» в Институте социологии РАН в мае 2002 г., сказал о том, что он выступает в этой работе как новый Оруэлл, задавшись вопросом о том, чего надо бояться сегодня и о чем предупредить новое поколение. Суть предупреждения: про-

¹ Косарева Л. М. Этические идеалы и познание природы // Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 89.

² См.: Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perratin J. Global Transformations, Politics, Economics and Culture. Cambridge, UK, 1999 (2000).

³ См.: Валлерстайн И. Глобализация как переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Красные холмы. М., 1999. С. 127.

ект современности завершен, идет расщепление социальной ткани, общество становится квазиприродной реальностью, не управляемой людьми, которые делаются все более обособленными и в этом смысле индивидуализированными без производства индивидов и личностей. Третьи, полагая сегодняшнее время переходным, предлагают новые варианты модернизационной теории или ее субституты, которые могли бы прояснить суть сегодняшних трансформаций, охвативших мир в целом.

Не имея возможности в рамках статьи изложить подробно эволюцию модернизационной теории, выделим ее основные модификации.

Классическая модернизационная теория и типы развития

Эта теория характеризует модернизацию как переход из традиционного общества в современное.

Традиционные общества являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт. Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; авторитаризм; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; предэкономический, прединдустриальный характер; отсутствие массового образования; предзаданный статус; преобладание особого психического склада — недейственной личности (называемой в психологии человеком типа Б); ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание локального над универсальным и др.

В ходе модернизации происходит переход к *современному обществу* (modern society). Коренное его отличие от традиционного — ориентация на инновации и такие черты, как преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; формирование демократии; выделенная персональность, преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; приобретенный статус; активный деятельный психологический склад (личность типа А); предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.

Первая модернизация была осуществлена Западом при его переходе от Средневековья к Новому времени. Сформировался уникальный *тип органически-инновационного развития*, при котором источник развития был внутренним, изменения осуществлялись органически, на основе собственных потребностей, исторической судьбы (Ренессанс, Реформация и Просвещение как стечение благоприятных обстоятельств определило эту судьбу). Механизмом развития стала инновация. Характер развития Запада был самостоятельный, поступательный, с локальной цикличностью. Темпы роста быстрые. Духовные, ментальные, культурные предпосылки состояли в том, что возникла целерациональность, протестантская и в целом трудовая этика, стали развиваться науки и технологии, возобладала идея прогресса. Образ будущего не был задан априори, складывался в результате саморазвития.

Видя неожиданный подъем Запада, многие незападные страны вступили на путь модернизации, взяв Запад за образец и стремясь догнать его. Среди них была и Россия. Догоняющая модернизация отличалась от западной. Это был *неорганически-мобилизационный тип развития*, вовлекавший стра-

ны доиндустриального развития. У него был внешний источник — успешный пример Запада, воспринимавшийся как основание для решения внутренних задач преодоления отсталости и ускорения развития. Характер развития — догоняющий, неравномерный, имеющий циклический характер — возвраты назад и возвращение к модернизации. Механизм развития — мобилизация. Темпы развития медленные. К культурным, духовным предпосылкам относится вера прозападных элит в прогресс, рассмотрение своих стран как отсталых. Образ будущего — вхождение в семью западных народов или приближение к Западу. На пути такой модернизации достигнуты существенные успехи, но вместе с тем процесс остался незавершенным.

Третью попытку модернизации осуществили страны Юго-Восточной Азии. Их *тип развития комбинированный — органически-неорганический, мобилизационно-инновационный, осуществляемый без радикального изменения идентичности*. Источники развития смешанные: внешний — вызов Запада, внутренний — поражение в войне, экономические проблемы. Произошла деархаизация, появились признаки некоторой органичности развития. Механизм развития — мобилизационно-инновационный. Темпы развития быстрые, но в течение короткого периода. Затем наступает стагнация. Духовные, культурные основания развития — традиции, семейные, коллективистские, религиозные ценности, желание лучшей жизни. Образ будущего — развитие на основе собственной идентичности.

Попытку модернизации (как по капиталистическому, так и по социалистическому образцу) предприняли страны третьего мира в период деколонизации. Источники их развития были неорганическими — вызов Запада и других более развитых стран. Механизм развития — этатизм, деятельность прозападных элит. Характер изменений — деархаизация. Темпы развития крайне медленные. Результатом попыток модернизации часто становилось разрушенное традиционное общество. Духовные, культурные предпосылки

отсутствуют. Образ будущего — улучшение жизни. Эта модернизация характеризуется как *постколониальный тип развития*, который не удался настолько, что положил конец в 60-е годы XX века интересу к модернизационным теориям, пока он не был реанимирован в 90-е применением теории модернизации к посткоммунистическим странам (тоже unsuccessfully), и эта теория не получили название *неомодернизма*.

Остается, наконец, группа стран четвертого мира, где модернизационных попыток не было, где развитие не заметно несколькими поколениями и осуществляется крайне медленно по типу естественной эволюции или *архаическому типу*. Где имеются органические препятствия развитию, структуры сознания примитивных обществ, не способствующие развитию. Образ будущего — сохранение существующего.

Итак, классическая теория модернизации адекватно описала модернизационный опыт Запада и способствовала модернизации ряда незападных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что времени классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец.

Классическая теория модернизации подвергается сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего, эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Она обвиняется в излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркивается такая негативная ее сторона, как излишний детерминизм,

телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. К списку недостатков классической модернизационной теории добавляется признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишаящее общества возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование рекультуризации, которое предъявляется незападным народам в процессе модернизации. В ходе западной модернизации произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории модернизации рассматривается как реанимация этноцентризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергается догоняющая модель развития, используемая незападными странами и их попытка приблизиться к уровню развития западных стран.

Сегодня указанные черты развития вызывают сомнение и неудовлетворенность как в теоретическом, так и в практически-политическом смысле. На модернизационную теорию возлагается ответственность за неудачи модернизаций в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям классической модернизационной теории, на которую они были ориентированы.

Особое неудовлетворение вызывает тезис о линейности хода истории и жестких требованиях девелопментализма, ориентирующего любое общество на позитивные изменения в соответствии с западной моделью развития. Нелинейность развития является сегодня признанным фактом, создающим возможности для изменения траектории

развития как человечеством в целом, так и каждого отдельного общества. Синергетика описала процессы, которые меняют направленность своего развития в точках бифуркации, изучены механизмы накопления предпосылок для подобных перемен и вместе с тем вероятностный, непредзаданный характер их осуществления (В. С. Степин). Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И. Валлерстайн отмечает наличие центральной, полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии¹. У. Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделение стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран², к которым относится и Россия. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже и в том случае, если в них осуществляется модернизация по классической модели. Дж. Несбит прогнозировал в 1982 г. в уже упоминавшейся работе «Мегатренды. Десять новых направлений развития будущего» перемену отношений между Югом и Севером в пользу преобладания Севера. Если этот прогноз и сбылся, то в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С. Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций³. Не сбылись предположения Ф. Фукуямы о конце истории как торжестве западной модели развития. У классической теории модернизации появились оппоненты и конкурирую-

¹ См.: Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System*. Cambridge, USA, 1994.

² См.: Beck U. *The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order*. Cambridge, UK, 1999; Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000; Он же. *Что такое глобализация?* М., 2001.

³ См.: Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., 1996.

шие подходы, вложившие в критику своей предшественницы подлинное негодование.

Признавая, что классическая модернизационная теория, как и всякая другая классическая теория, со временем начинает встречаться с обстоятельствами, которые она не в состоянии объяснить и предвидеть, а значит, превратить в факты в своих теоретических рамках, отметим тем не менее несогласие с приведенной критикой, которая отличается, с нашей точки зрения, тремя недостатками — *онтологизацией теоретических конструктов, антиисторизмом и презентизмом как разновидностью последнего.*

Дело в том, что классическая теория модернизации является именно *теорией*, а не идеологией, не парадигмой или исследовательской программой, тесно связанной с внеученым знанием. Она непонятна неспециалистам, построена с использованием *идеальных типов* (М. Вебер) или теоретических конструктов, как называют эти типы многие современные методологи. С *повседневной точки зрения, исходя из обыденных представлений, не существует никакого противопоставления между традицией и инновацией*: в любом обществе существуют традиции, а также инновации. Поэтому нет качественного различия, исходя из этой установки, между традиционным и современным обществами. Если различие может быть установлено, то только количественное: в одних обществах больше традиций, в других — больше инноваций. Радикальность различий традиционного и современного общества на уровне повседневного сознания не прослеживается. Классическая модернизационная теория использует термины обыденного языка, но придает им понятийное значение. Традиционное и современное общество предстают в ней как *идеальные типы*. При работе с такими конструктами, представляющими наиболее существенные характеристики рассматриваемых обществ, *невозможно онтологизиро-*

вать идеальные типы, принимать их за реальность. Они выступают как методологические регулятивы, направленные на понимание различающихся по существенным параметрам обществ, касающиеся логики перехода, драматизм которой очевиден именно из-за противоположности черт традиционных и современных обществ, а не из этических соображений. Мы имеем в виду упрек Б. Г. Капустина теориям модернизации в том, что они неспособны подняться до этического сочувствия и размышления о тех слоях, которые станут жертвой модернизации¹. Теория модернизации ясно указывает на коренной характер слома старых структур в случае модернизации и на следующую отсюда неизбежность жертв. Но не теория, а элиты, решившиеся на модернизацию, должны оценить ее цену и взять на себя этическую и политическую ответственность за тех, кто пострадает в ходе модернизации.

Антиисторизм критики состоит в том, что пятисотлетняя история Запада была историей прогресса и модернизации как самого Запада, так и последовавших за ним незападных стран. Несовпадение целей и результатов модернизации было замечено и вскрыто при классической модели. Его причины — и в описанном выше утопизме модернизационной мобилизации, и в невозможности онтологизировать теорию. Но регулятивные функции этой теории осуществлялись успешно там, где были предпосылки для модернизации или где была проявлена способность реформаторов к модернизации даже в неподходящих для этого условиях. Так, журнал «Тайм» четыре года назад признал человеком века К. Ататюрка, осуществившего модернизацию в казалось бы совершенно неподходящем для этого месте — в Турции.

Презентизм отношения к классической модернизации состоит в том, что сегодня ее готов критиковать каждый, тогда как в 90-е на нее сделали ставку элиты всех посткоммунистических стран, а все критические

¹ См.: Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого коммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4. С. 10.

высказывания в ее адрес с негодованием отвергались как «враждебные реформам». Ведь революционаристская формула «иногое дано» овладела политическим классом и на первых порах и массой.

Появившиеся сегодня постэволюционистские и постпрогрессистские теории реагируют на опыт неудачного применения классической модернизационной теории в случае постколониального и посткоммунистического развития, на теоретические изменения в видении развития — признании его нелинейности и негарантированности, в связи с появлением нового мегатренда — глобализации, которая перевела модернизацию на локальный уровень и лишила ее единого образца. Поэтому мы можем констатировать, что изменившиеся обстоятельства привели классическую модернизационную теорию к кризису. Ее коренное противоречие всегда состояло не в тех недостатках, которые ей сегодня в изобилии приписываются, а в невозможности совпадения идеального типа с результатом применения теории. Строго говоря, М. Вебером было доказано, что капитализма западного типа построить нельзя без его духовных предпосылок. Его уникальность отмечали С. Хантингтон и другие исследователи. Модернизационная теория не утверждала обратное, она указывала на жесткие условия приближения, считая последнее в той или иной мере возможным. Вина за неудачи применения этой теории лежит на радикальных либералах, которые были уверены в обратном: теорию можно в чистом виде воплотить в реальность, причем не считаясь с ценой.

Постмодернизационные теории

Ясно, что классическое понимание модернизации является предельно жестким. Оно требует взаимной увязки всех параметров, меняющихся при переходе от традиционного общества к современному. Неосуществимость этих требований при модернизации на основе модели догоняющей модернизации привела к образованию *постмодернизационной теории развития*. Постмодерниза-

цией называют переход традиционного или современного общества в постсовременное. Постсовременное общество строится путем объединения черт двух первых: традиции и инновации, светского характера социальной жизни и признания религиозности в культуре, цикличности и поступательности в развитии, авторитаризма и демократии, коллективизма и индивидуализма, индустриализации и ограничения пределов роста, предзаданного и приобретенного статуса, ценностной и целевой рациональности, локальности и универсальности (глобальности) и т. д. Примером подобного общества обычно называли Японию. Данная теория имеет и другое название: модернизация на основе собственной идентичности, модернизация без вестернизации (С. Хантингтон). Сегодня она не популярна, вытеснена новыми теориями модернизации, связанными с появлением нового процесса социальной трансформации — глобализацией.

Транзитология

Ответом на глобализацию был ряд новых модернизационных теорий. Среди них — *транзитология*, считающая излишне сложной задачу классической модернизации и слишком туманной задачу постмодернизации. Транзитология требует достижения только двух параметров модернизации: демократизации и маркетизации. На состоявшейся в мае 2002 г. в Институте философии РАН российско-южнокорейской конференции по проблемам модернизации проф. Ин Сук Ча на примере Кореи и мы на примере России показали, что задача демократизации не является простой и легко достижимой. Ее выполнение так же зависит от культурных предпосылок, как и осуществление классической модернизации. То же относится и к рынку.

Доклад проф. Ин Сук Ча «Корея и реформированный либерализм» чрезвычайно важен для понимания не только корейской ситуации. Он проливает свет и на некоторые особенности российских реформ. Россия, как и Корея, — незападные страны, шедшие

по пути догоняющей модернизации. Некоторые трудности, которые они испытали в ходе данного процесса, оказались сходными.

Но особенно важен представленный доклад для анализа эволюции модернизационной теории и характеристики ее нынешнего состояния.

Сравнительный анализ некоторых тенденций российского и корейского развития показывает, что модернизация и контрмодернизация в обеих странах осуществляются одновременно в результате противоречия между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Одобрение транзита не в состоянии преодолеть ни южнокорейские, ни российские традиционные ценности. Традиционализм как форма контрмодернизационной идеологии действует в обеих странах. В Южной Корее персоналистская интерпретация конфуцианства помогает индустриализации и экономическому развитию, но создаст процветание только небольшой элитарной группе. Сходные процессы происходят в России. Радикальному либерализму здесь противостоят две группы традиционалистских ценностей — российские и советские. Последние во многом являются модификацией первых и включают в себя такие ценности, как коллективизм, справедливость, патриотизм и др. Высказанный проф. Ин Сук Ча тезис о связи традиций и контрмодернизационных тенденций может быть усилен и конкретизирован на примере традиционного понимания в России свободы как своей воли, свободной воли. 90-е не были десятилетием демократии в России, а были десятилетием свободы. Если быть более точным, десятилетием свободной воли, негативной свободы (свободы «от», как определял И. Берлин, т. е. от внешних ограничителей и внутренних «тормозов»), а не позитивной свободы (свободы «для чего-то», по его же определению). Утвердившийся тип свободы был социально неорганизованным и ничем не ограниченным. Некоторые аналитики (И. Клямкин, Л. Щевцова) называли сложившийся социальный порядок «бессистемной

системой». Это была неплохая метафора, но все же лишь метафора. Многие ученые говорили о российском хаосе. Но это слишком строгое определение: хаос не может быть типом порядка и основой стабильности. По нашему мнению, в России 90-х годов сложился анархический порядок, анархия как тип порядка. Есть пять признаков такого порядка: слабость центральной власти; нехватка демократических институтов; отсутствие коллективных представлений как институтов; самопомощь и кооперация (анархия, согласно представлениям русского анархиста П. Кропоткина); люмпенизация масс, анония (разрушение ценностей или их рассогласование) в масштабах общества (анархия этого типа ассоциируется с именем другого классика анархизма — М. Бакунина, который полагал, что подлинная цель свободы — бунт простых людей против чуждой им интеллигентской культуры).

Первые три черты анархии присутствуют в международной системе, две другие являются российским продуктом в теоретическом плане, получившим и наиболее яркое практическое воплощение. Анархия была результатом негативной мобилизации масс в ельцинском социальном контракте, реконструируемом как «делайте что хотите, но голосуйте «за». Не политическая манипуляция, а тождество архетипов народа и правящей элиты 90-х годов привели к этому соглашению. Количество людей, вовлеченных в неформальную экономику, составило 30–40 млн человек. Они поддержали Ельцина на выборах 1996 г. только за то, что имели возможность не иметь дела с государством. Анархически настроенные люди не согласны на легитимацию любого авторитета или власти, включая демократическое государство. Анархизм есть негативная форма индивидуализма, отрицающая не только власть, авторитет, но и интересы другого. Это идеология жизни на уровне базового выживания, которая до определенной степени допускает прямую демократию (коллективные решения, но не демократическое государство), мелкую собственность и прямые действия. Эти люди

стали жертвами в 1998 г. анархической игры верхов, приведшей к дефолту. Дефолт имел и некоторое позитивное значение: он показал ошибочность позиций радикальных реформаторов; люди из секторов «серого» и «черного» рынка были вынуждены вернуться в сферы реального производства. Из ста «челноков» (торговцев товарами, покупаемыми ими в Турции, Китае, Венгрии и других странах) в 1998 г. сохранили свой бизнес только восемь.

Это подтверждает вышеупомянутый тезис об одновременном действии модернизационных и контрмодернизационных тенденций в западных странах.

В России радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, стремление немедленно рекультуризовать массы — к оживлению глубоко лежащих архаических начал, демократизация — к анархическому порядку, рыночные тенденции — к неформальной экономике, которая не является ни рыночной, ни государственно-регулируемой¹.

Транзитологическая упрощенная версия модернизации разделяет демократический процесс на ряд ступеней: появление демократических идей, лидеров и движений, раскол элит и общества по вопросу о необходимости демократии, либерализация, пакт (соглашение) между противоборствующими силами, консолидированная демократия. Не касаясь пока возможности объективно и четко выделить эти этапы, отметим, что сторонники этой версии модернизации не принимают во внимание реальный опытный факт, что освоение демократических идей и институтов западными странами не обязательно ведет к демократии. Даже успешная демократическая институционализация часто приводит к созданию специфических квазидемократий.

С одной стороны, наблюдается расширение спектра стран, называющих себя демо-

кратическими. Как отмечает один из исследователей, в отношении демократии складывается «радикально новая картина, происходит экспоненциальный рост демократий: 1790: две или три так называемые демократические системы, относительно которых могло быть много вопросов; 1920: десяток несовершенных, некачественных, часто хрупких демократий; 1950: примерно двадцать стран могли бы претендовать на то, что они — демократии, при условии, что качество этих демократий не слишком точно обозначено; 1990: «этикетка» демократии стала настолько доминирующей, что только несколько стран отрицают форму и установления западной модели. Все произошло так, как если бы больше не было другой альтернативы»². Таким образом, по мере расширения демократий происходили серьезные отступления от западного образца, упрощающие смысл демократии иногда просто до «отсутствия диктатуры» или «наличия избирательного процесса».

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу о возможности четко выделить фазы демократического развития, что является ключевым пунктом для транзитологии.

Широко известна концепция нескольких волн демократии С. Хантингтона и других авторов. Первая волна демократии началась в США в начале XIX века и продолжалась до окончания Первой мировой войны. Идея лиги наций В. Вильсона консолидировала западные демократии. Вторая волна поднялась после поражения фашизма, способствовала появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией.

Анализ демократического процесса выявил некоторые закономерности. Среди них: необходимость особых фаз демократизации, консолидации демократии, зависимости ее успехов от экономического роста и т. д.

¹ См.: Неформальная экономика. Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999.

² Meny Y. Fife (Hypo)theses on Democracy and its Future // The Global Third Way Debate / Ed. by A. Giddens. Oxford, UK: Polity, 2001. P. 259.

В истории Южной Кореи, которая нами рассматривается как предмет сравнения с российскими процессами, рядом авторов отмечается наличие этих фаз. Вторая волна демократизации коснулась Южной Кореи. Но она оборвалась в середине 60-х годов с появлением авторитарного режима как реакции на демократическую перспективу.

Согласно описаниям западных авторов, в Южной Корее переход к демократизации занял определенное время.

Июнь 1983 г. характеризуется как начало демократического процесса. Это случилось после студенческих волнений и гибели одного из студентов от рук полиции. Общественное недовольство инициировало начало демократизации.

Период между 1987 г. (после президентских выборов) и 1992 г. (следующие президентские выборы) обозначается как период демократического транзита. Выступления профессиональных рабочих и «белых воротничков» после выборов 1987 г. стимулировало создание демократических союзов и организаций. Начался подъем новых социальных движений, и либеральные идеи стали более популярными и значимыми.

Период с 1993 г. до наших дней оценивается как становление консолидированной демократии в Южной Корее. После перехода власти к президенту Кинг Юнг Сэму, избранному в конце 1992 г., были проведены серьезные реформы (была отстранена и наказана прежняя военная элита, расследована прежняя политическая коррупция, произведены изменения в финансовой системе). Позже президент возвратил многих наказанных им политиков и военных даже из тюрем и снова привлек их в правительство. Такое маятниковое движение его политики в конечном итоге способствовало внутреннему единству¹. Несмотря на совер-

шенно недемократический способ преодоления раскола в стране — путем наказания, прощения и возвращения во власть членов предшествующего кабинета, метод, который был бы слишком изощренным даже для России, весьма азиатский метод, западные транзитологи трактуют этот период как часть транзита к демократии, обозначаемую как пакт.

Солидный источник, по которому мы даем периодизацию южнокорейской демократизации, не выделяет достаточно очевидных критериев отличия одного периода от другого. Ощущается подгонка под теоретическую схему, распространенную в политологической литературе. Согласно этой схеме, повторим и уточним, демократический транзит включает вначале раскол элит на консерваторов и реформаторов, появление лидера-реформатора, либерализацию, систему соглашений между разными политическими силами (пакт), демократизацию, развитие электорального процесса, консолидацию демократии². Не приходится ожидать, чтобы какая-нибудь теоретическая схема воплотилась в реальность. Но данная максимально далека от нее. Ни в Южной Корее, ни в России не реализовались ее основные этапы.

Гораздо более убедительным выглядит мнение профессора Ин Сук Ча в упомянутом докладе: «При жестком милитаристском режиме, который характеризует политическое развитие Южной Кореи вплоть до 90-х, был слишком маленький шанс влияния демократических практик на модернизационный процесс в южнокорейском обществе. Принимая это во внимание, можно сказать, что корейский экономический дефолт 1997 г. произошел из-за неудачи начать развитие с демократических преобразований... первая реально демократическая смена правительства не произошла в конце 1997 г., когда раз-

¹ См.: Hsin-Huang, Hagen Koo. *The Middle Classes and Democratization // Consolidating the Third Wave Democracies / Ed. by L. Diamond, M. F. Plattner, Yun-han Chu, Hung-mao Tien.* Washington: Johns Hopkins University Press, 1997. P. 315-321.

² См.: Мельвиль А. Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Вып. 1 / МГИМО (У). Центр международных исследований и кафедра политологии. М., 1999. С. 44.

разился печально известный азиатский кризис». Что касается России, то ее демократический процесс оборвался на стадии либерализации. И даже формально существующая электоральная демократия не реализует своих возможностей из-за процесса манипуляции массами путем грязных PR.

Российские реформы 90-х годов не были успешны ни теоретически, ни политически. Были достигнуты некоторые свободы в политической и экономической областях (гласность, свобода прессы, невмешательство государства в частную жизнь, возможности частных инициатив). Однако в целом результат характеризуется как квазидемократический и квазирыночный. Демократическая риторика часто была прикрытием грязной практики, которая противоречила самим принципам демократии: разгром Парламента, воровская приватизация, грязные PR-технологии во время избирательных кампаний, использование демократических лозунгов для персонального обогащения, коррупция, криминал и т. д. Авторы далеки от мысли, что критика отдельных групп демократов означает критику демократии.

При распространении в России и других посткоммунистических странах демократия и рынок перестают быть похожими на западные образцы. В результате их определения предельно упрощаются. А. Пшеворский следующим образом переопределяет демократию: «Мы определяем демократию как режим, в котором правительственные учреждения являются продолжением соревновательной избирательной кампании, при условии, если только оппозиции позволено соревноваться, выигрывать и предполагать, что правительственные учреждения являются демократическими. До той степени, до которой это связано с выборами, это — очевидно минималистская дефиниция»¹. Но и эта минималистская трактовка является необходимой, но недостаточной для сравнения демократий.

Здесь мы не касаемся проблемы маркизации, повсеместного внедрения рынка, но с этой частью транзитологических ожиданий дело обстоит сходным образом. Поэтому все более влиятельным становится мнение о конце транзитологии².

(Окончание следует)

¹ Przeworsky A. What makes Democracies Endure? // Consolidating the Third Wave Democracies. P. 306.

² См.: Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4. С. 6–24. Автор понимает под транзитологией не только рассматриваемый субститут классической модернизационной теории, но и модернизацию в целом. С его оценкой можно согласиться, но по другим основаниям.